

"По дому можно судить о его хозяине, и часто, взглянув на человека, можно предста-вить себе его дом. Бывает и так, что человек настолько сроднится со своим жилищем, что подчас и понять трудно, где кончается обиталище и начинаются обитатели".

Л.Н. Толстой

УЭТОГО ЗДАНИЯ, расположивше-гося в самом центре Москвы по адресу Поварская улица, 52 множе-ство названий. Подобно артистичному ли-тератору, меняющему свои псевдонимы, дом представлялся современникам раз-ными именами. Он известен как "усадьба князей Долгоруковых", "особняк барона Боде-Кольчичёва", "городская усадьба графа Соллогуба", а закрепилось, теперь уже окончательно, за ним название крат-кое и ёмкое — "дом Ростовых".

Известная история этого места нача-лась ещё в XVIII веке, когда в 1756 году на линии Большой Никитской улицы стараниями представителя древнего боярского рода подпоручика Ивана Ива-новича Воронцова-Вельяминова (к слову, любимый многими поколениями зрителей советский киноактёр Пётр Сергеевич Вельяминов — его потомок) был возведён достаточно скромный дом с цокольным этажом, отделанным ру-стом (то есть неотёсанным камнем) и угловыми пиллястрами. Дом этот, пере-строенный и поглощённый поздней-шими постройками, тем не менее по-ию пору является ядром, центральной частью главного здания усадьбы.

Вельяминовы, однако, владели домом недолго, уже в 1770 году здание и земля были проданы князьям Долгоруковым. В 1802—1809 годах они расширили терри-торию усадьбы до параллельной Поварской улицы, надстроили главный дом мезони-ном, возвели два симметричных служеб-ных корпуса по боковым границам владения, а также соорудили в 1809 году въездные ворота, ставшие "лицом" уса-дебного комплекса со стороны Поварской.

Интересно, что при Долгоруковых адрес дома числится сразу по двум улицам, на которые выходило здание — и по Повар-ской, и по Большой Никитской. Указания на этот факт удалось обнаружить в деловых объявлениях, печатавшихся в расцветшей в ту пору московской прессе. Какими цен-ными свидетельствами живой и бурной по-вседневной жизни тогдашней московской усадьбы являются эти объявления! Поме-тим здесь некоторые из них, орфография, как принято говорить, оригинальная.

Вот самое раннее, журнал "Русская мысль" за 1885 год в рубрике "Сто лет назад" воспроизводит объявление, да-тированное ноябрём 1785 года:

"Желающие из господ принять к себе в дом гуслиста, могут его сыскать в доме Князя Александровича Долгору-кова на Поварской № 18".

Затем обратимся к годовой подписке "Московских ведомостей" за 1815 год. Здесь уже приусадебная коммерция распустилась пышным цветом:

"На Поварской, близ Кудрина, в доме Князя Долгорукова продаётся самый лучший ренской уккус 1 сорта по 2 руб. бутылка, 2-го сорта по 150 к., 3-го сорта по 1 руб., ведрами ж по 7, 6 и 5 руб. ве-дро. Спросить у служителя Афанасия Новикова".

С другой стороны здания, выходящей на Большую Никитскую, тоже предла-гают знатные товары:

"Продаются: полученной Аглинской многоплодной махровой овёс по 5 р. четве-рик; огородныя и цветочныя полученные из Голланди семена до 360 сортов разных родов, на кои будут выдавать печатные ка-талоги, на большой Никитской улице, в доме Князь Юрия Владимировича Долго-рукова, рядом с домом Графа Маркова, в семянной лавке. Тут же продаётся приве-зённая паровая рыба уклея 5 р. сто, и ре-комендуют в отъезд знающих огородников и садовников доброго поведения".

Тем временем на Поварской служи-тель Афанасий Новиков наращивает обороты торговли:

"На Поварской, близ Кудрина, в доме Князя Долгорукова продаются высажен-ные в горшки разные кусты: булды-нежи, жасмины, воздушные перскии, малина Аглинская белая и чёрная, ла-нищеры, тартарики и разные зимующие цветы, до 260 горшков. Спросить у слу-жителя Афанасия Новикова; у негож продаётся и ренской уккус ведрами и бутылками разных цен".

И снова рекламный возглас с фасада, обращённого на Большую Никитскую:

"Продаётся Аглинской многоплодной махровой овёс по 5 р. четверик, и Аглин-ской голый ячмень по 2 р. картуз, Аглин-ский клевер по 30 р. пуд, полученное-семя льяное Псковское по 6 р. 50 к. пуд, паровая рыба уклея по 3 р. сто и семена огородныя и цветочныя до 500 сортов разных родов. Найти на большой Никитской, в доме Князя Долгорукова, в преждё бывшей кандитерской лавке".

Сейчас эти объявления читаются как милый курьёз, но вместе с тем они сооб-щают ценнейшую информацию. Так, ста-новится подтверждённым факт, что на 1815 год владельцем усадьбы был князь Юрий Владимирович Долгоруков. Важны и топонимические сведения про сосед-ство с домом графа Маркова, про семен-ную и кандитерскую лавки, некогда рас-полагавшиеся в княжеском доме.

ГРОЗНЫЙ 1812 ГОД, ставший годом гибели значительной части историче-ской московской застройки, пощадил усадьбу Долгоруковых, она не постра-

дала в пламени грандиозных пожаров. Утверждают, что это произошло по при-чине того, что в княжеском доме кварти-ровал некий наполеоновский военачаль-ник со своими офицерами. Это будто бы послужило "охранной грамотой" для зда-ния. Думается, такое объяснение не вполне правдоподобно: французы почти не контролировали распространение зоны пожаров в Москве. В литературе есть масса свидетельств о том, как сол-даты Бонапарта покидали те или иные кварталы, отступая перед огнём. Но фак-том остаётся то, что Дом Ростовых счита-ется единственным сохранившимся "до-пожарным" зданием на Поварской улице.

В 1853 году усадьбу приобрёл у Дол-горуковых их родственник, молодой кра-савец, участник шедшей в тот момент Крымской войны, барон Михаил Львович Боде-Кольчѐв. Михаил Львович проис-ходил из семьи, в которой слились франко-германская и русская крови. Отец его, Лев Карлович Боде, был эми-грантом из революционной Франции, при рождении имя его было *Ludwig Karl von Bode*. В Россию он попал ещё ре-бёнком, при Екатерине Великой, и сде-лал блестящую карьеру, дослужившись при Николае Павловиче до чина обер-гофмейстера Императорского двора. А мать Михаила Львовича, Наталья Фёдо-ровна, была столбовой дворянкой ста-ринного боярского рода Кольчѐвых.

Сам Михаил Львович обладал нату-рой талантливой и деятельной, и сумел достичь немалых степеней на служеб-ном поприще. Как и его отец, он имел должность обер-гофмейстера Двора, был церемониймейстером на коронации императора Александра II, получил чин действительного тайного советника.

Достойн упоминания следующий факт, он ещё одной ниточкой связывает Дом Ростовых с великой русской литературой. В конце лета 1856 года в доме на Повар-ской некоторое время жили вдова А.С. Грибоедова княжна Нина Александровна Чавчавадзе и её сестра, правительница Мегрелии* княгиня Екатерина Чавча-вадзе. Сёстры были приглашены в Мос-кву на торжество по случаю восшествия на престол императора Александра II. Барон Боде, церемониймейстер корона-ции, оказал им гостеприимство. По мему-арным свидетельствам, даже спустя годы Михаил Львович хранил обстановку в комнате, где жила Нина Грибоедова-Чав-чавадзе в музейной неприкосновенности.

Усадьба на Поварской при Михаиле Львовиче активно достраивалась. Именно он в 1859 году по высочайшему дозволе-нию митрополита Филарета пристроил к восточному торцу главного дома домовую церковь в неорусском стиле. Поставлена церковь была для матери Михаила Льво-вича, Натальи Фёдоровны Боде, урождѐн-ной Кольчѐвой и названа именем митро-полита московского Филиппа, знаменитого оппонента чад Ивана IV Грозного. В XVII веке, через девятю лет после трагиче-ской гибели, митрополит был прославлен для всероссийского почитания как святы-тель Филипп Московский. Мирское имя святителя было Фёдор Степанович Кольчѐв, и он приходился Михаилу Львовичу и его матушке кровным родственником.

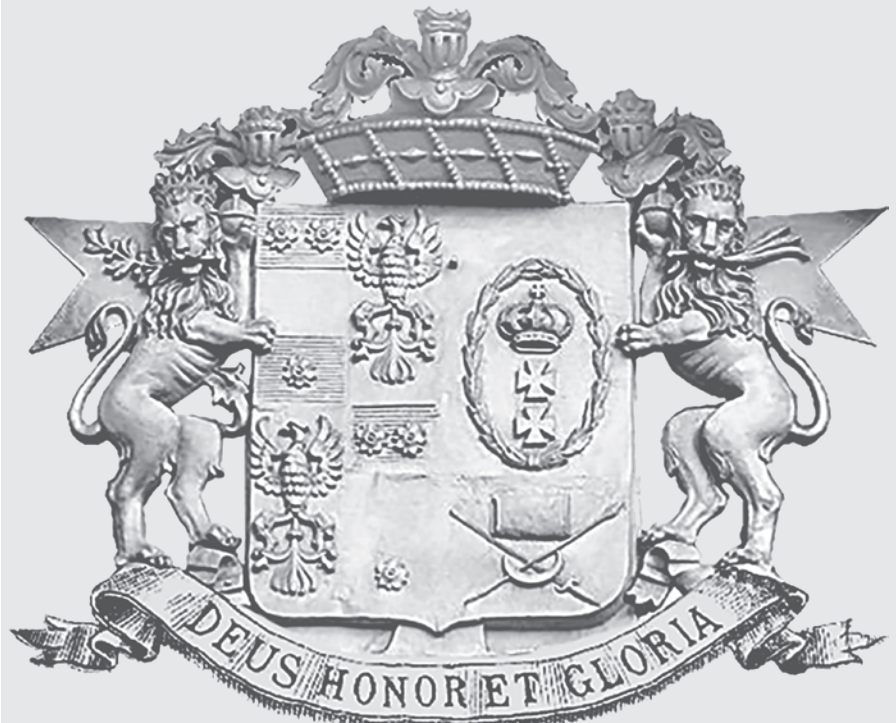
Существует ряд источников, утверж-дающих, что 12 января 1866 года именно в этом храме, у Боде-Кольчѐ-вых, венчались русский поэт, журналист, один из лидеров славянофильского на-правления общественной мысли Иван Сергеевич Аксаков и дочь поэта Ф.И. Тютчева, фрейлина Двора императора Александра II Анна Фёдоровна Тютчева. Противоречит этой версии, хранившийся в фондах музея-заповедника "Усадьба "Мураново" имени Ф.И. Тютчева" доку-мент, озаглавленный: "Уведомление об увольнении А.Ф. Тютчевой по случаю выхода замуж от обязанностей настав-ницы великой княгини Марии Алексан-дровны". Согласно тексту документа, венчание свершилось в "Московской Георгиевской на Воспоии, близ Кудрина Церкви", и таинство совершил священ-ник Разумовский. Так это было или нет, ещё предстоит достоверно выяснить исследователям. Учитывая известную неаккуратность российского делопроиз-водства XIX века, истинным может ока-заться любой из вариантов.

Вскоре после революции 1917 года домовая церковь святителя Филиппа была закрыта, главка с крестом сне-сена, а само помещение стало исполь-зоваться под хозяйственные нужды многочисленных учреждений, в разные годы занимавшими усадьбу. Те-перь, с приходом в Дом Ростовых Ассо-циации союзов писателей и издателей, началось возрождение храма.

Стараниями Михаила Львовича на участке был возведѐн ещё один фли-гель, вскоре присоединѐнный к основ-ному зданию и домовой церкви посред-ством закругленной галереи. В целом современный вид усадьбы сложился таким, каким мы его знаем, именно при Боде-Кольчѐве.

В книге Александра Голицына и Со-фьи Голицыной "Нам не дано предуга-дать. Правда двух поколений в воспо-минаниях матери и сына", вышедшей в 2020 году, опубликованы воспоминания княгини Софьи Николаевны Голицыной о беззаботном времяпрепровождении на балах в доме Боде-Кольчѐвых. За-писанные уже после революции, они повествуют о событиях 1869 года:

"Оригинальный дом барона Боде в Москве охотно посещался всеми москв-скими и петербургскими кавалерами… Было весело у барона Боде, где мы тан-цевали каждый понедельник. Барон был человек старого закала, властный, не-

ДОМ РОСТОВЫХ

много самодур, но в общем добрый и настоящий барин. Его дом на Поварской был полон художественных предметов, картин хороших мастеров, редкой ме-бели, бронзы, фарфора; библиотека и пр. У барона было много вкуса и художе-ственного чутья. Замечательно красива его домовая маленькая церковь в древ-нерусском стиле. Всё было исполнено в ней под личным наблюдением барона. Через маленький проход из церкви попа-даешь в залу. Сколько весѐлых и хоро-ших часов проводила я в этой зале, в этом доме, вечера по понедельникам на-чинались рано, барон сумел заставить всю Москву приезжать к нему в 8 1/2 и 9 часов вечера. На лестнице уже слы-шится ритурнель кадрилли, и толпа моло-дых людей, натягивая белые перчатки, торопится приглашать знакомых бары-шен. Тут Куракин, Величковский, Фёдор Урусов, Евреинов под названием "бо-калка", братья Львовы, Друцкий и др. Приглашают и меня, но в моей книжке уже нет свободных танцев, и я начинаю придумывать, как бы обмануть того не-счастлиного кавалера, с которым мне не хочется танцевать".

Устойчивая литературоведче-ская гипотеза гласит, что именно особняк Долгоруковых/Боде-Коль-чѐвых Лев Николаевич Толстой описал в эпозее "Война и мир" в качестве фа-мильного гнезда семейства Ростовых.

Особняк возникает на страницах уже первой части романа: "С утра не пере-ставая подъезжали и отъезжали чуги, подвозившие поздравителей к боль-шому, всей Москве известному дому графини Ростовой на Поварской".

В дальнейшем, с добавлением всё новых и новых деталей, Дом Ростовых на Поварской множество раз появля-ется в толстовском тексте. Так как Лев Николаевич прямо указал, что "дом Ро-стовых" располагался на Поварской, уже самые ранние поколения читателей "Войны и мира", вчитываясь в описания и ремарки, бросились отгадывать какой же именно особняк на этой аристокра-тической улице имел в виду автор. Оча-рование романа и впечатление, произ-ведѐнное им на читателей, были столь велики, что люди порой забывали о том, что буквальные совпадения в литера-туре случаются редко, большой худож-ник синтезирует образы из множества впечатлений, видений, воспоминаний…

Тем не менее именно особняк Боде-Кольчѐва лучше иных строений подхо-дил под описание дома Ростовых. У этой гипотезы довольно крепкий фундамен-т. Начать стоит с того, что Лев Николаевич был хорошо знаком с М.Л. Боде-Кольчѐ-вым и неоднократно бывал в его доме. Они были почти ровесниками, оба прошли Крымскую кампанию, имелись и общие интересы: Боде-Кольчѐв был че-ловеком, влюблённым в искусство, а Толстой в молодые годы не чурался све-ских увеселений, которые столь замеча-тельно процветали в доме на Поварской.

Для Льва Николаевича хозяин особ-няка, в духе франкофильской моды вре-мени, был "Мишелем Боде". В одном из писем, отправленных супруге из Москвы в имение, Толстой упоминает его в не-скольکو трагикомическом контексте: "... музыка играет, танцующие пляшут, Michel Боде владеет обеими руками, а у меня, я чувствую, вид кривобойки и жал-кий, в рукаве пусто и ноет". Письмо дати-ровано октябрём 1864 года — дело в том, что в ту осень Толстой неудачно упал на конной охоте, вывихнул правое

плечо и сломал ключицу. Лечил он травму долго и переживал изрядные не-удобства. Более компетентное лечение требовало длительного пребывания в Москве. К тому же как раз это время Лев Николаевич был поглощён подготовкой публикации первой части "Войны и мира" в "Русском вестнике" Каткова. Издатель-ские хлопоты и беспокойство от травмы Толстой скрашивал выходами в свет и, страдая от плохо работающей руки, не-вольню сравнивал себя с пышущим здо-ровьем красавцем Михаилом Боде.

Слава приѐмов в доме Боде-Кольчѐва длилась десятилетиями. Художник Николай Иосифович Шатилов, ещё один добрый знакомый Льва Толстого, в ста-тье "Из недавнего прошлого", опублико-ванной в журнале "Голос минувшего" № 10 за 1916 год, оставил воспоминания, относящиеся к семидесятым годам XIX века, когда хозяину особняка барону Боде было уже за пятьдесят: "Из частных лиц славился своими приѐмами барон Михаил Львович Боде. Наружностью своею барон Боде напо-минал маркиза времѐн Людовика XVI: бритый, с зачесанными назад седыми волосами и любезной приветливой на-ружностью, ему недоставало только рас-шищенного камзола и кружевного жабо для полного сходства с кавалерами XVIII века, недаром его называли московским гаупт-аристократом. На него даже были сочинены стихи, начинавшиеся так:

Барон Михаил Львович Боде, Московский гаупт-аристократ, Походж на короля в колоте И всех важнее во сто крат…"

Факт приятельства Толстого и Боде-Кольчѐва, ряд топографических совме-дений, сама старо-великосветская про-славленность особняка на Поварской убедили общественное мнение в том, что усадьба близ Кудринской площади и есть именно "Поварской дом" Ростовых.

Однако 1960-е ознаменовались по-пытками оспорить, как писали ниспро-вергатели, "городскую легенду". На страницах авторитетного журнала "Во-просы истории" (№ 7 за 1966 год) из-вестный адвокат и москвовед Николай Николаевич Белянчиков опубликовал заметку "Об одном московском преда-нье", где, по его мнению, аргументиро-ванно опроверг утверждение о том, что дом № 52 по Поварской (в ту пору — Воровской) улице — это дом Ростовых. Полемика вспыхнула нешуточная. Всего лишь через пятнадцать лет Беля-ничкову ответил другой именитый мо-сквовед Сергей Константинович Рома-нюк. В журнале "Городское хозяйство Москвы" (№ 9 за 1981 год) он напечатал статью, озаглавленную "Где же был дом Ростовых?", в которой не менее аргу-ментированно защищал представление о тождественности "дома Ростовых" с усадьбой Боде-Кольчѐва на Поварской.

И всё же… Решающим аргу-ментом в пользу уравнивания "Дом Росто-вых" равняется усадьбе на Поварской 52" служат слова самого Льва Николае-вича Толстого. Александр Шамаро, жур-налист и филолог, в своей книге "Дей-ствие происходит в Москве" упоминает о том, что в одном частном архиве была обнаружена запись беседы литературове-да Н.С. Родионова с Владимиром Григорьевичем Чертковым, литератур-ным секретарѐм, редактором и близким другом Льва Толстого. Далее Шамаро приводит цитату Толстого в передаче Черткова: "Толстой признавался хозяину

дома: "Когда я описывал дом Ростовых, я имел в виду ваш дом, и сугубо дворян-ский характер его месторасположения, и его усадебный характер, всё это соот-ветствовало тем чертам, которыми мне хотелось наделить семью Ростовых".

Но вернёмся к документальной судьбе усадьбы.

Весной 1888 года М.Л. Боде-Кольчѐв умер, и дом на Поварской унаследо-вала его дочь Наталья Михайловна Боде-Кольчѐва (1851—1915).

В феврале 1873 года Наталья Ми-хайловна, фрейлина императрицы Ма-рии Александровны, вышла замуж за графа Фёдора Львовича Соллогуба, одарѐнного театрального художника, происходившего из семейства Соллогуб-ов и Самариных. Фамильное гнездо Самариных, где рос Фёдор Львович, располагалось также на Поварской улице — в доме № 38, так что брак был заключѐн, можно сказать, "по-соседски".

Женившись на баронессе Боде, Фѐ-дор Львович стал полноправным вла-дельцем особняка на Поварской 52, и с тех пор к названиям "дворец Долгоруко-вых", "особняк Боде-Кольчѐва" добави-лось и третье — "усадьба Соллогуба". Художник Николай Шатилов, которого я уже цитировал выше, продолжал бы-вать в доме и при новом поколении вла-дельцев. В его воспоминаниях есть фраг-мент, относящийся к этим более поздним визитам в Дом Ростовых. Декадансом и надвигающимися катастрофическими пе-ременами неуловимо веет от этих строк:

"Через Цертелева познакомился я в ту пору и с графом Соллогубом, женатым на старшей дочери бар. Боде, Наталье Михайловне, очень остроумной и краси-вой женщине, представлявшей по своему характеру полную противоположность со своей сестрой Марьей Михайловной: на-сколько последняя была тиха и скромна, настолько Наталья Михайловна была бойка и, ещё будучи девушкой, пользова-лась репутацией enfant terrible**.

Муж её, гр. Соллогуб, обладал боль-шой фантазией и очень талантливо ри-совал всякую чертовщину: ведьм, ле-ших, домовых, водяных и всевозможных чертей, которых называл епишками и уверял, что часто видит их "выдуваю-щимися", как он выражался, из стен, мебели и др. предметов, и действи-тельно, изображаемые им епишки были неподражаемы по своему разнообра-ию и выразительности.

У Соллогуба встречался я с моло-дыми графами Барановыми, из которых старший был замечателен своей краси-вой наружностью, огромным ростом и большой силой. Он напоминал портреты Петра Великого в юные годы. Бывал у Соллогуба и камер-юнкер Мерлин, тоже большой силчак, занимавшийся окуль-тизмом и, как он уверял, веривший в колдовство и в существование различ-ной нечистой силы. Это был очень не-симпатичный и злой человек, получив-ший, как ходил слух, камер-юнкерство за предательство Ишутина, пострадав-шего по делу Карказова".

Фѐдор Львович Соллогуб умер в 1890 году, в возрасте всего лишь 42-х лет. Усадьбой продолжала владеть Наталья Михайловна. В десятые годы XX века она заказала известному архитектору Евгению Васильевичу Шервинскому ре-ставрацию или, как тогда говорили, "ис-правление ветхостей" особняка и всей усадьбы. Шервинский заказ принял, вы-полнил и, будучи человеком педантич-ным, зафиксировал как интервью, так и внешний вид отреставрированного объ-екта в серии замечательного качества фотоснимков. Совсем недавно, уже в нашем веке, наследники семьи Шервин-ских обнародовали в интернете эти до-селе неизвестные подробнейшие фото-графии дома Ростовых.

После смерти графини Натальи Ми-хайловны в начале февраля 1916 года дом перешѐл к её старшей дочери гра-фине Елене Фёдоровне Соллогуб. Елена Фѐдоровна владела домом Ро-стовых совсем недолго.

ГРЯНУЛ 1917-й, и начался новый этап жизни Дома Ростовых. Этап пѐстрый, яркий и временами траги-ческий. Перечислим последовательно только некоторых "жильцов", занимав-ших особняк после 1917 года:

— ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия. Занимала особняк недолго: с 11 по 30 марта, когда состоялся переезд чекистов на Большую Лубянку, 11 в дом страхового общества "Якорь".

— В 1918–1919-м — Народный комис-сариат по делам национальностей (Нар-комнац). В информационном отделе этого учреждения в 1918-м служила ве-ликая поэтесса Марина Ивановна Цве-таева. Следует также вспомнить, что пост народного комиссара по делам на-циональности занимал в ту пору И.В. Сталин. Как у наркома у него, несо-мненно, был личный кабинет на Повар-ской. Впрочем, обитателем дома Росто-вых Сталин был короткое время. Лев Троцкий в своей работе о нём приводит выдержки из воспоминаний С.С. Пест-ковского, заместителя наркома:

"…по прошествию некоторого вре-мени Наркомнац владел уже несколь-кими особняками. Центральное ведом-ство и белорусы поместились на Поварской, латыши и эстонцы на Никит-ской, поляки на Арбате, евреи на Пре-чистенке, а татары где-то на Москворец-кой набережной… Сталин оказался весьма недоволен таким положением. "Теперь уж за вами совсем не успе-дись". Нужно было бы получить один большой дом и собрать туда всех".

— В 1919–1921 годах — "Дворец ис-кусств", руководимый поэтом Валерием Брюсовым, куда, по словам избежав-теля "Литературной газеты", "писатель-ская братия собиралась погреться у "священного огня" поэзии".

— В 1922 году — Музей быта.

— Литературная студия, впоследствии пре-вратившаяся в Высший литературно-ху-дожественный институт им. Брюсова, известный как "Брюсовский институт".

— Российская центральная книжная па-лата.

— Контора фининспекции.

— С 1925 года усадебный комплекс за-няла Федерация объединений совет-ских писателей (ФОСП).

Именно в клубе ФОСП с 1 по 15 фе-враля проходила знаменитая выставка-от-чѐт "20 лет работы Маяковского", подго-товленная самим поэтом и оказавшаяся своего рода прощанием Маяковского с широкой публикой.

Одновременно, 3 февраля 1930 года, в, как тогда писали, "бывшем особняке Соллогуба" официально открылся писа-тельский клуб. "Литературная газета" в номере от 10 февраля отмечала это со-бытие с пролетарским задором: "Много видел на своем веку "Повар-ской дом" Ростовых. Но история его фа-тально связана с литературной жизнью. Даже улица, на которой он стоит, пере-став быть Поварской, получила литера-турное имя — имя Воровского, — выдаю-щегося литературного критика-марксиста, первого заведующего советским госуdar-ственным издательством.

В той самой передней, где когда-то "горела одна салынная свеча" и старик Ми-хайла спал на ларе, а выездной лакей Прокофий ввзал из покомрок лапти, те-перь установлен телефон-автомат. Силь-ные электрические лампыко обильно ос-вещают анфиладу комнат, а в одной из них, уставленной шахматными столи-ками, перекрещиваются лучи автомо-бильных фар, установленных в углах. В прежней домовоой церкви, где пол когда-то шифовался коленями несчѐтных поко-лений, где родоветые владельцы дома крестили аристократические лбы, теперь всего лишь… физкультурный зал и пре-краснейшие души, — мужской и женский".

После трагической смерти Маяков-ского в апреле 1930-го в клубе ФОСП состоялся церемония прощания с по-этом, собравшая, по свидетельству оче-видцев, десятки тысяч человек. Сохрани-лись многочисленные фотоснимки, часть из которых сделана писателем Ильѐй Ильфом. На фотокарточках — Пе-тров, Катаев, Булгаков, Олеша, Уткин…

В 1934 году, с момента образования Союза советских писателей (ССП), Дом Ростовых был передан этой организации.

КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ сохранился и в ССП. Здесь проходили митинги и творческие вечера (в том числе таких известных писателей, как В.П. Катаев, К.А. Федин, венгерского писателя и военачаль-ника Мате Залка и других). Здесь же про-вожали в последний путь умерших ли-тераторов. В марте 1940 года одним из них стал Михаил Афанасьевич Булгаков…

В 1956-м в сквере во дворе усадьбы был установлен бронзовый памятник Льву Николаевичу Толстому работы скульптора Галины Новокрестьяновой. Табличка на постаменте монумента гласит: "Писателям братской России в оз-наменование праздника 300-летия со-единения Украины с Россией. От писателей Советской Украины".

Гораздо менее известно, что памятник Толстому — не первая скульптура, укра-шавшая территорию усадьбы дома Росто-вых. С 1936 по 1955 год приблизительно на том же месте стояла лавка выдающегося скульптора Сергея Меркурова "Мысль". В 1955-м она была перенесена на Новодеви-чье кладбище на могилу скульптора, скон-чавшегося тремя годами ранее.

Союз советских писателей, позднее переименованный в Союз писателей СССР, занимал Дом Ростовых вплоть до 1991 года. С распадом СССР прекрати-лась и деятельность глобального писа-тельского объединения. На его руинах возникло множество объединений ли-тераторов, сформировавшихся как по гео-графическим, так и на различных идеа-льных принципах. Некоторые из этих организаций продолжили пребывание в стенах дома Ростовых.

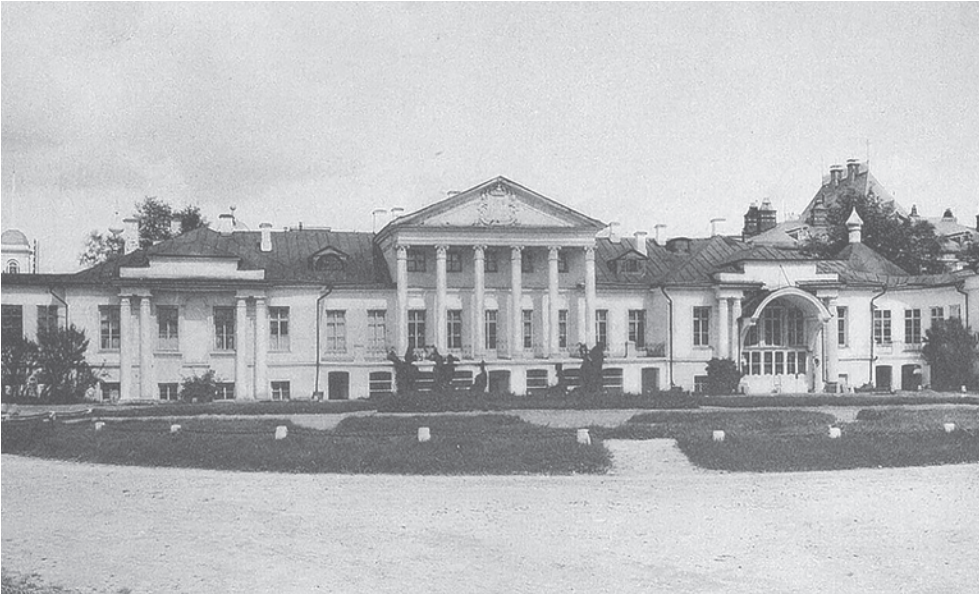
В декабре 2020 года Дом Ростовых (Поварская улица, д. 52/55, стр. 1) был пере-дан Ассоциацией союзов писателей и изда-телей, возглавляемой С.А. Шаргуновым. Начинается третий большой этап жизни одной из стариннейших московских уса-деб. С появлением нового основательного владельца связываются большие на-дежды на восстановление исторического облика знаменитой усадьбы Долгоруко-вых/Боде-Кольчѐвых/Соллогубов.

Дом Ростовых продолжает жить для литературы и в литературе.

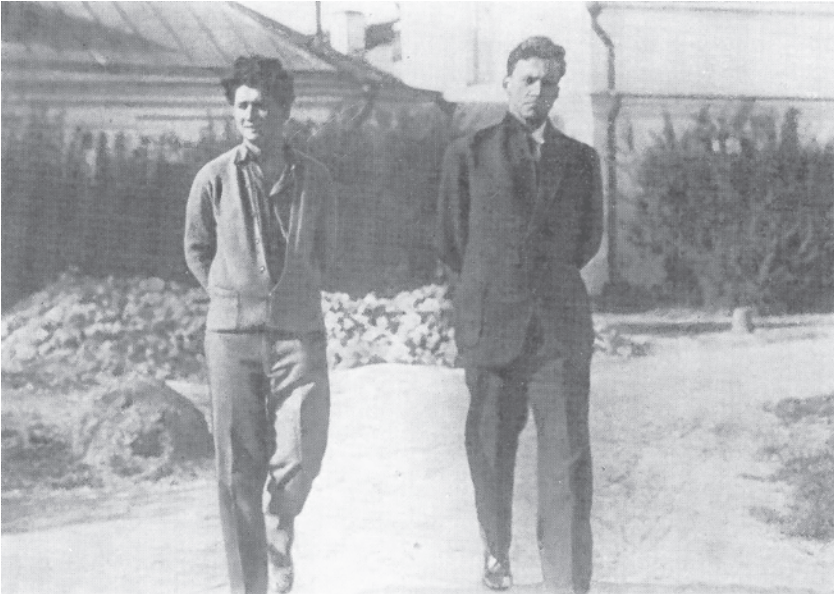
* Мегрелия (в русской литературе вплоть до XX столетия Мингрелия, в Грузинских летописях и документах именовавшаяся также Одиши) — исто-рическая область между реками Риони, Цхисискали, Ингури и Чёрным морем, в прошлом феодальное княжество За-падной Грузии, которое выделялось из состава Имеретинского царства и с се-редины XV—XVI веков лишь номинально признавало власть тамошних царей. До начала XVII века в состав княжества входила также Абхазия

** сумасбродной, взбалмошной

Даниил ДУХОВСКОЙ

Дом Ростовых (особняк Соллогуба), предп. 1910-е годы

И.П. Уткин и В.В. Маяковский во дворе Дома Ростовых (тогда — клуб ФОСП). 1929 год

Скульптура работы С.Д. Меркурова «Мысль» в палисаднике Дома Ростовых. 1947 год, фото Олега Мамета

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII. E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97. Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Тираж 20 950

Заказ № 6012-2021

Дата выхода в свет — 27.10.2021 г. Подписано в печать 26.10.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ